

Везде в комнате были навалены кучи домашнегохлама. Пока Вэрд залип в очередной переписке у монитора и пытался охмурить невербальным общением глупую провинциалку, Вольдемар решил покопаться в кучах мусора. Покопаться в том, что в принципе потеряло всякую практическую ценность, но по причине излишней мнительности хозяина квартиры почему-то не оказалось на ближайшей помойке. Иногда, правда, такое бывало крайне редко, Вольдемару удавалось находить во всей этой груде мусора настоящие сокровища. Например, однажды он нашел дореволюционное собрание сочинений Жюль Верна, первое издание «Герой нашего времени» Лермонтова, а также подлинник медицинской справки, которая констатировала истинную смерть Высоцкого. Разгребая завалы, Вольдемар обнаружил свой старый ежедневник: потрепанная книжца, исписанная вдоль и поперек, напомнила ему о былых годах юности. Студенчество, прогулянные лекции, несданные зачеты... Открыв ежедневник на случайной странице, он обнаружил цитаты, которые сам выписывал и даже пытался заучить наизусть, чтобы бравировать умными мыслями перед первокурсниками. Как выяснилось позднее, красивых девушек в жизни привлекают вовсе не яркие цитаты, а совсем другие ценностные ориентиры. Цитат было немного, но они по-прежнему изобиловали актуальностью, находясь на интеллектуальном кончике остря.

1) Если искусство не ведет к Богу, стало быть, это не искусство.

2) Прислушивайся к журчанию ручьев, они научат тебя любить.

3) Где Господь не догадается, там чиновник сам домыслит.

4) Легкие ветры доставят тебе удовольствие.

5) Жениться — это вам не лаптем щи ковырять.

6) Днем тень от тела принадлежит тебе, а ночью не беспокой ее.

7) Эффективность процессов самосовершенствования, самовоспитания, влияния личности на самого себя определяется уровнем осознания целей и возможностей своего развития. В традиционной жизни эти процессы идут в психике самопроизвольно, спонтанно, человек не осознает их и поэтому не может на них влиять.

8) Умеренно употребляй пищу, если не желаешь утратить память.

9) Студентка литературного института плавает в долгах, как дельфинчик в океане.

10) Обходи паутины, если не хочешь увидеть слезы.

11) Человек, никогда не изменяющий своего мнения, подобен стоячей воде, и в его сознании поселяются гады. Человек должен меняться, в этом и есть мудрость.

12) Американцы никогда не успокоятся, пока не ополчат весь мир (Чарльз Диккенс).

13) Девушка в жизни выглядит красивее, чем на фото. Да, иногда и такое бывает. Но редко.

На этом пункте список цитат обрывался. Низ измятой страницы был оборван таким образом, будто бы срочно понадобилась бумага для самокрутки. Интересно, почему? Ведь Вольдемар никогда не употреблял наркотики, даже в студенческие годы. Ни капли этого бесовского зелья не побывало в его крови! Из ежедневника случайно выпал тот самый оборванный лист. На пожелтевшем листке неровным почерком красовалось нацарапанное шариковой ручкой стихотворение, созданное Вольдемаром на спор, случайно, в юношеские годы, по приколу, невзначай...

Скривив губы в улыбке и больше не найдя ничего ценного, Бархоткин попрощался с Вэрдом, вышел из злополучной квартиры и направился в заведение под названием «Бар сук». Данный питейный притон пользовался неплохой репутацией в городе. Если

оценивать его по неподкупному рейтингу. Точнее, если взять за основу шкалу ценностей, даже самого захудалого ресторанный критика, в конечном счете, кабаку, чье название состоит из двух слов — «Бар сук», можно честно поставить три звезды из пяти, что немало для заведения подобной алкогольной направленности.

Выбор места встречи никак не зависел от Вольдемара, в «Баре сук» ему предложил пересечься старый приятель Роберт Элдфорт, сотрудник местного отделения полиции. Они играли бок о бок в студенческие годы в КВН, в одной команде «Гаргантюа и Пантагрюэль» и учились в одном институте. Но жизнь развела старых закадычных приятелей по разные стороны баррикад, хотя в начале своего карьерного пути они совершенно друг на друга не походили и являли собой кардинально противоположные жизненные ориентиры. По происхождению Роберт графских кровей. А Вольдемар из семьи, где мама повар, а папа не пойми кто, алкоголик, подзаборный пьяница, забулдыга, черт ногу сломит над биографией папашки! Но увлечения у двух бывших кавээнщиков были не под стать социальному происхождению. Вольдемар больше любил классику и произведения, проверенные временем. Роберт обожал кроссворды, русский шансон и мог часами петь в караоке щемящий душу мотив: «Только рюмка водки на столе! Рюмка водки!», а затем, выпавшись до обеда в свой выходной, спокойно шел на тренировку позаниматься кикбоксингом. Если честно, Роберт иногда терпеть не мог Вольдемара за тягу к приключениям и расследованиям. И с трудом выносил бархоткинские придумки и предложения поймать того или иного преступника. Вот и сейчас он специально назначил встречу именно в «Баре сук». На входе в кабак висела огромных размеров вывеска, изображение черного барсука. Зверек дружелюбно улыбался и показывал всем большой палец, поднятый вверх, как бы намекая на то, что следует непременно зайти в эту дверь и окунуться с головой в омут пьяного угара.

Вольдемар долго кружился вокруг вешалки в надежде хоть куда-нибудь пристроить верхнюю одежду. Найдя небольшой крючок, он повесил пальто и прошел в зал. В мерцающем пространстве на него сразу навалились звуки давящей музыки, оглушающие грохочущие басы... Народу в зале находилось немного. Окинув взглядом сидящий за столиками контингент, Вольдемар увидел одну знакомую физиономию. Невритая рожа Веревкина склонилась над граненым стаканом в руке и думала о прозрачном содержимом. Судя по стоящей рядом бутылке, в стакане находилась водка.

Веревкинпил горькую,пил по-русски, в один глоток, не морщась, занюхивая рукавом. Вольдемар решил подсесть к бывшему однокласснику.

— Здорово, Семен! — отодвинул стул Вольдемар и уселся за столик.

Веревкин с опаской покосился на нежданного собеседника.

— Семен, Семен! Силен?! — кривляясь, сказал Веревкин.

— Что празднуешь, Сеня?

— Творчество продал, — сердито ответил Веревкин.

— Творчество — это дело такое... Это же почти как дьяволу душу продать, не меньше.

Веревкин кивнул.

— А тут, Сеня, не забалуешь!

Веревкин кивнул опять, но при этом задиристо кивнул на собеседника.

— Творчество оно творчеством, суета... А искусство вечно. — Вольдемар взглянул на потолок, с которого все время капала желтая жидкость. — Так о чем это я?

— Про искусство.

— Ах да. Искусство... Страшная сила! С искусством тут как? О, брат! Искусство... Ну и темка! Искусство — это эксперимент. Право на ошибку. Жизнь ради идеи.

— Ладно, это я понял. А с культурой тогда как быть?

— Фу! Окаменевшее говно. — Вольдемар махнул рукой на Веревкина, отмахиваясь от его перегара, словно от назойливой мухи. — Деятели культуры, приспособленцы! Конъюнктурщики! Лакировщики! Говноуки, одним словом.

— Это еще почему? — удивился Веревкин.

— Смотри сам, Сеня! Такая ситуация: человек разогнал автомобиль до скорости двести километров в час! Эксперимент?! Эксперимент.

— А потом что?

— Ха! Врезается он на этом самом автомобиле в кирпичную стену. На полном ходу... Стена вдребезги! Машина в лепешку! Водитель живой, ни царапины, все в восторге! Как так?! Гений, фигений! Почет, слава, уважение! Новатор! — Вольдемар поднял указательный палец вверх. — Тут же! Подлетели, как пчелы на мед, деятели культуры. И давай расфасовывать по пакетикам кирпичики, вылетевшие из стены. Расфасуют они кирпичики по пакетикам и начнут продавать без зазрения совести, обзвав эксперимент культурой. Музейщики, архиваторы, старьевщики, критики... Тьфу!

— Выходит, культура отличается от настоящего искусства так же, как жевательная резинка — от настоящей пищи?

— Жуешь, жуешь... А насыщения не наступает! Такие синтетические консервы.

— Хрен с ними, с консервами! Как тогда с идеологией быть?

— Хм, идеология... Идеология — это как надо. А культура — это как есть.

— Лихо загнул! — проникся Веревкин. — А я тут песню продал.

— Какую песню?

— Про обувь...

Веревкин, как фокусник, достал из-под стола планшет, оперативно подключился к вай-фай, залез на сайт Ютуб и протянул планшет Вольдемару, сам подозвал рукой официанта и громко крикнул ему в ухо:

— Гарсон! Еще водки! Мне и этому сверхчеловеку!

Взяв в руки планшет, Вольдемар увидел профессионально снятый видеоклип. По сюжету в ролике прыгала непонятного вида размалеванная девка с расческой в руках вместо микрофона.

— О! Еще и сутки не прошли, а восемь миллионов просмотров! Любит наш народ всякое дерьмо. Действительно любит...

«Дамы и господа, дамы и господа! Минуточку внимания! Леди и джентльмены», — мужской голос со стороны маленькой сцены вещал торжественно, с интонациями свадебного тамады. Вольдемар обернулся, на сцене стоял нарядный плотный мужчина средних лет в расшитом блестками пиджаке и активно зазывал публику обратить на него внимание.

— Дамы и господа, дамы и господа! — продолжил мужчина. — Мы начинаем нашу поэтическую дуэль! Ваши аплодисменты! Правила просты: каждому участнику предоставляется право прочитать всего одно стихотворение, тот, кто соберет больше аплодисментов, тот чемпион! Наш будущий чемпион получит денежное вознаграждение, о-ля-ля! А также специальный алкогольный приз от нашего бармена, но об этом позже. А теперь приглашаю на сцену первых участников под ваши аплодисменты.

Из зала раздалась жидкие хлопки, Вольдемар повернулся обратно к Веревкину, но того и след простыл. Оглядевшись по сторонам — публики за столиками стало значительно больше, — он не увидел Семена Веревкина. Слегка обидевшись на такое фамильярное прощание по-английски, Вольдемар собрался покинуть зланный кабак «Бар сук», но к столику подошел заспанного вида официант и бросил на стол потрепанную прямоугольную книжицу.

Раскрыв книжицу, сделанную из дешевого кожзаменителя, он увидел внутри счет. Из общей суммы чека можно было сделать вывод, что Вольдемар, помимо заказанного одного бокала пива, должен еще оплатить заказы, сделанные Веревкиным. Хотя на столе и стояла всего одна допитая бутылка водки, но, ви-

димо, Семен сидел здесь достаточно давно, поэтому счет в себя включал еще чебурек (1 шт.), салат оливье (2 порции), селедку с луком (1 порция), телячью котлету с вермишелью (1 порция).

Вольдемар поднял высоко руку, привлекая к себе внимание официанта. Другой рукой он достал мобильник и пытался дозвониться до Роберта Элдфорта, но тот как обычно опаздывал и как назло не отвечал на звонки. Спустя достаточно долгое время к нему все-таки подошел все тот же заспанный официант, с неохотой произнеся:

— Возникли какие-то вопросы? Или желаете сделать новый заказ?

— Нет, больше ничего не надо, — ответил Вольдемар, с ужасом прикидывая в уме, как он будет расплачиваться. Сумма выходила немаленькая, а денег у него было в обрез — только заплатить за свое пиво. — Понимаете в чем дело... — пытался выкрутиться из сложившейся ситуации Вольдемар. Официант смотрел на него с равнодушием. — Получилась какая-то ошибка, я заказал всего одно пиво и готов за него заплатить. — Бархоткин тут же полез во внутренний карман в надежде как можно быстрее расплатиться и уйти.

Но официант, словно матерый ковбой, ловким взглядом, как ударом хлыста, пресек попытку Вольдемара выйти сухим из воды. Убрав руку из внутреннего кармана и так и не достав кошелек, Вольдемар стыдливо посмотрел на официанта.

— Счет предоставлен согласно заказанному... Ошибка исключена, — сухо изрек официант. — Если вы отказываетесь платить, я буду вынужден сообщить об этом инциденте администрации клуба. — Официант показал взглядом на огромного бугая, стоявшего рядом с барной стойкой.

— Да я не отказываюсь платить, — дипломатично пытаюсь сгладить конфликт, начал оправдываться Вольдемар. — Поймите меня правильно, я всего этого не заказывал, это один знакомый...

— Я в курсе, что заказ делали не вы. Но ваш приятель подошел ко мне и сказал, что вы полностью оплатите заказ, за себя и за него.

— Я, заплачу?! Не может этого быть, я такого не говорил!

— Уж не знаю, какие у вас отношения с этим олдскульным алкоголиком. Но за столиком сидите вы, с вас и будет спрос! Будем оплачивать счет или как?

— Дружище, ну у меня правда с собой сейчас нету. Честно.

— Как обычно, — вздохнул официант. — Опять двадцать пять, старая история. Будем звать охрану с администрацией, пускай они тебе кости переломают! Авось в следующий раз умнее будешь!

— Не надо никого звать! Можно я еще здесь посижу? Я жду одного человека, он сможет дать мне денег в долг, я тогда расплачусь.

— Не надо здесь заливать. Два часа тут сидите, все чего-то ждете. Последний раз спрашиваю, будете платить, да или нет? Или звать охрану?

Обшарив несколько раз свои карманы и вывалив на стол всю наличность, помешкав секунду-другую, Вольдемар наглядно продемонстрировал:

— Серьезно, больше нет ни копейки. — И подвинул кучку с железной наличностью в сторону официанта, будто бы азартный игрок, вдрызг проигравшийся на рулетке.

— Этого мало будет... — грубо произнес официант.

— Неужели нельзя больше ничего сделать, чтобы уладить недоразумение?

— Разве что... Попробуйте принять участие в нашем поэтическом батле. Если победите, в принципе этих денег хватит, чтобы расплатиться.

Столь необычная идея Вольдемару явно понравилась.

— А что нужно для этого сделать?

— Ничего особенного. Прочитать свое стихотворение.

— Всего-то?! Это ерунда! Это пара пустяков!

— Не вздумайте улизнуть! Видите того человека за барной стойкой? — Официант опять указал на здорового бугая.

Вольдемар молча кивнул.

— Так вот, он предупрежден. Он в курсе. Так что если задумайте скрыться, окажетесь в лучшем случае в реанимации.

— Даю слово чести, я не убегу.

— Пустые, никчемные слова, — отмахнулся официант.

— Я могу пройти на сцену? Ваш бугай не переломает мне кости?

— Идите, но не дальше. — Официант пружинистым шагом отправился обслуживать другие столики.

Идя к сцене, Вольдемар покрылся небольшой испариной. Что он будет читать, он не знал. Он сильно перенервничал, даже не из-за того, что будут сильно бить, и, возможно, даже ногами... Огорчало и угнетало предательство Веревкина. Понятно, сейчас, в двадцать первом веке, никому нельзя верить и надо держать ухо востро. Но внутри теплилась маленькая надежда, что все люди — братья, и если ты оставил на вокзале кошелек, тебе вернут его такие же добрые люди, как ты.

В сентиментальных раздумьях Вольдемар ждал своей очереди. Перед ним выступала прожженная поэтесса бальзаковского возраста, но с внешностью у-

нетенного и обиженного подростка из неблагополучной семьи, к тому же еще и с плоской грудью. Бывает же такое, подумал Вольдемар. Поэтесса закончила читать авангардную балладу о мозгах в сахаре, сорвала порцию аплодисментов. Ведущий громко объявил в микрофон:

— А теперь приглашаем на сцену нашего следующего участника! Ваши аплодисменты, господа!

На сцену, как на голгофу, взошел Вольдемар.

— Как вас зовут? — спросил неугомонный ведущий.

— Вольдемар Бархоткин.

— Оу! Вольдемар! Итак, представляю вам нашего последнего участника поэтического батла, Вольдемар Бархоткин! Поддержим аплодисментами, друзья! Пожалуйста, Вольдемар, вот вам микрофон. Прожгите нам глаголы души!

Всучив в липкие руки Вольдемара холодный металлический микрофон, ведущий удалился. Оставшись один на сцене, Вольдемар разволновался еще больше, робко посмотрев в зал, он не увидел ни одного свободного столика. Видимо, ближе к вечеру в кабачке «Бар сук» собирается аншлаг, яблоку негде упасть. Увидев бездействие на сцене, толпа стала громко кричать и свистеть.

— Раз-раз... Раз, два... — сказал в микрофон Вольдемар, отчего раздался противный раздражающий гул: микрофон ужасно фонил.

— Один раз не пидарас! — выкрикнул чертовски пьяный голос из зала.

Нужно начинать читать стихотворение или уходить со сцены с позором. Толпа людей неистовствовала. Ничего не приходило в голову, знакомые рифмованные строчки перепутались между собой и превратились в бесформенную кашу. Предварительные поэтические заготовки вышибло из памяти. Засунув руку в карман, Вольдемар обнаружил скомканный листок, находку из квартиры Вэрда. О, спасение! На листке находилось стихотворение. Разгладив аккуратно выцветшую бумагу, Вольдемар с дикторской педантичностью озвучил название шедевра:

— Стихотворение называется «Поэтессы трахаются ямбом».

В зале раздался прерывистый смех, а Вольдемар невозмутимо продолжил:

Поэтессы трахаются ямбом,
Трахаются ямбом поэтессы.
Кто-то скажет: как же это пошло!
Но они не думают о детях...

Пригласишь ее ты на свиданье
И закажешь ей двойной мартини,

А она посмотрит алчным глазом...
И пойдет в клозет поправить лифчик.

Ты за столик быстро расплатился,
Заказал такси к себе, до дому.
Из клозета вышла поэтесса,
А водитель ждал уже у входа.

Сели вы на заднее сиденье,
Тут же стали пылко целоваться.
Городской проспект сверкал огнями,
В магнитоле завывал Михайлов.

Дверь в квартиру распахнулась быстро,
Ты срывал с нее одежду в коридоре!
А потом как будто оглушили...
В памяти провал и длинный прочерк.

И, очнувшись утром на диване,
Гольй, грязный, потный и небритый,
Ты поперся в ванну умываться,
Вспоминая поэтессы имя.

Выдавив на щетку мятной пасты,
Ты узрел на зеркале слова.
Написала их помадой красной
Поэтесса на прощанье — для тебя.

Ты не обессудь меня, мой милый,
Просто мы друг другу не подходим.
Поэтессы трахаются ямбом,
А хорей давным-давно не в моде.

* * *

Когда Вольдемар закончил читать стихотворение,
в зале наступило гробовое молчание. Затем послы-
шались одинокие хлопки, после чего тот же чертовски
пьяный голос вновь выкрикнул:

— Браво!

Зрительный зал взорвался овациями, аплодисмен-
ты не смолкали в течение нескольких минут. Воль-
демар закрыл глаза и не понимал, что происходит.
«Казнить нельзя помиловать», где поставить запятую?
От этой маленькой закорючки и будет зависеть, как у
него завершится сегодняшний вечер. Будет ли он ле-
жать избитый в больничке или, наоборот, окажется
здоровенький дома и заснет в тепленькой кровати.
Раздумья прервал шепотом голос ведущего:

— Комментарии излишни, господа! Вы сами все
слышите и видите! Поздравляем нашего победителя!
Вольдемар Бархоткин! Ура!

Под несмолкающий шум аплодисментов ведущий
взял руку Вольдемара и поднял ее вверх. Победивший

всех поэт напоминал боксера, который нокаутировал
в смертельном бою несколько десятков человек. Тя-
жесть русского слова набила кулаки об беспечные го-
ловы вольнодумцев и завсегдатаев кабака «Бар сук».
Но момент тщеславия был недолог, заказанное и вы-
питое нефильтованное пиво дало о себе знать, Воль-
демару очень сильно захотелось в туалет по малой
нужде. Не в силах больше терпеть, с грациозностью
оголтелой лани он спрыгнул со сцены и сквозь хмель-
ную толпу, принимая поздравительные похлопывания
по плечу, резво устремился в туалет. Сбившись не-
сколько раз с намеченного пути, он все-таки отыскал
нужное помещение. И лишь голос ведущего с недо-
умением вопрошал ему вслед:

— Товарищ Бархоткин! Вольдемар! Куда же вы?!

Влетев, как ошпаренный, в общий туалет, Вольде-
мар увидел всего одну кабинку, больше ничего в по-
мещении с табличкой WC не было. Судя по голосам,
что доходили из-за незакрытой на щеколду двери,
Вольдемар присутствовал здесь не один. Внимательно
прислушавшись, Вольдемар сделал вывод, за дверью
находятся два человека, мужчина и женщина. Где-то
он слышал эти голоса, но вот где? Вольдемар никак не
мог вспомнить. От провалов в памяти желание спра-
вить малую нужду усилилось еще больше.

— Давай, расстегни мне ширинку, детка, — скоман-
довал мужской голос.

— Сейчас, подожди секундочку, — ответил жен-
ский голос.

В кабинке послышались звуки, напоминающие хао-
тичное чмокание и чавканье.

— Так хорошо, милый? — спросил женский голос.

Вольдемар напрягся, мочевой пузырь гудел и тре-
щал по швам.

— Что ты со мной делаешь... Карина, что ты дела-
ешь! — стонал мужской голос.

Вольдемар, будучи не в силах сдерживать мочеис-
пускательные позывы, резко дернул за ручку. И что
же предстало его взору? Унитаз с закрытой крышкой,
а сверху на бачке лежал планшет Веревкина, сортир-
ный фэн-шуй! Изображение на видео представило
двух старых знакомых — Карину Градусникову и Ро-
мана Блюрова. Именно от них исходили эротические
стоны.

— Тьфу! — сказал вслух Вольдемар. — Срамота!

Откуда и почему на планшете у Веревкина находил-
ся такое видео? Вольдемару даже не хотелось об этом
думать, ему опротивел цинизм Блюрова. «Больше руки
ему не пожму, — решил по-мужски Бархоткин. — Ве-
ревкину тоже не пожму. Козлы они оба, все!»

Выйдя из туалета, Бархоткин услышал звонок. Это
был Роберт Элдфорт.

— Старик, тут такой обвал на работе! Давай в другой раз. Сегодня ну никак не получится.

— Ладно, давай в другой раз, — согласился от безысходности Вольдемар.

Убрав в задний карман мобильник, он сел за барную стойку и заскучал.

— Это вам спецприз от заведения, виски «Ржавый гвоздь». — Бармен пододвинул к Вольдемару пустой выпуклый стакан и непочатую бутылку дешевого вискаря.

— Спасибо, тронут. А у вас нет случайно ручки или карандаша?

— Фломастер зеленый подойдет?

— Вполне.

Развернув треугольную салфетку таким образом, чтобы из нее получился квадрат, Вольдемар начертил план-схему квартиры Анны Шевельковой. Кухня, туалет, ванная, коридор, большая и маленькая комната, злополучный балкон. Он сидел и рисовал стрелки возможного перемещения по квартире. Если так называемое привидение проникло к Аньке в квартиру через балкон, значит, здесь замешан сосед, а если через обычную входную дверь — значит, муж. Хотя и сосед мог воспользоваться входной дверью. Третий этаж пятиэтажного дома... Какие там существуют подходы сверху? Что эта за проклятая квартира, которую купил сосед, владелец оккультного салона? Много вопросов, больше, чем ответов. «Муж этот Максим не нравится мне! Но он же не денежная купюра, чтобы всем нравиться, тем более лично мне. Нет, здесь дело в другом. Здесь замешан сосед, это точно, я знаю! Аферы с квартирами, девушка на ресепшене... Ох, Аристарх Владленович! Ох и заварили вы кашу. Ну ничего. Я вас выведу на чистую воду, вы еще у меня попляшете голыми пятками на раскаленной сковородке».

— Молодой человек, дайте даме прикурить! — потребовала симпатичная брюнетка с короткой стрижкой.

Вольдемар машинально скомкал изрисованную вдоль и поперек салфетку, закрыл колпачком фломастер.

— Да, слушаю вас. Что вы сказали?

— Ничего... — Прекрасная дама сломала сигарету пополам и выкинула в сторону. — Проехали...

— Могу вас вискариком угостить.

Вольдемар протянул прекрасной даме так и не раскрытую бутылку виски. Она живо, как натренированный зверек, откупорила ее и, зажмурив один глаз, сделала несколько больших глотков прямо из горлышка. Утирая ладошкой ненакрашенные губы, она сказала:

— Вот спасибо, добрый человек. Хорошо-то как, господи!

— Да не за что. Можете вообще себе забрать всю бутылку.

— Спасибо, спасибо! — Пьяная прекрасная дама по-детски захлопала в ладоши. — А вы почему совсем не пьете?

— Не могу пить крепкий алкоголь. Я от спиртного шалею. То же самое было с моим отцом. Он говорил, что именно поэтому я стал дегенератом. — Вольдемар привстал со стула. — Я, пожалуй, пойду.

— Молодой человек, подождите! Куда же вы так сразу намылились?

— Куда, куда... Домой пойду.

— Ой, ну вот так сразу и домой. А проводить одну-кую девушку до дому?! Ночь темна, улицы безлюдны, того и глядишь кто-нибудь возьмет меня и изнасилует! Такую нежную и хрупкую... Возьмет и воспользуется мной.

Вольдемар не мог отказать прекрасной даме.

— Хорошо, я провожу. Где вы живете?

— Тут недалеко.

— Ну, пойдете тогда.

— Не спешите, мой кролик. Мне нужно зайти в «мандельштамп», попудрить носик...

— При чем здесь Мандельштам?

— В туалет мне надо, балда! Неужели не ясно?!

— Да ясно, ясно... Идите уже, куда вам надо. Я вас здесь подожду.

— Жди меня, — сексуально шепнула прекрасная дама. — Только очень жди...

Устав ждать, Вольдемар вышел на улицу. Дыша свежим воздухом, он судорожно думал, а может, к черту эту вежливость! Какой с этого прок? Дойдет она до своего дома, ничего с ней не случится, не развалится! Кому она нужна такая? «Прекрасная» на всю голову...

— А вот и я! Ты скучал, мой рыцарь?

— Очень...

— Правда? Я тоже! Ух, заживем! — Прекрасная дама подхватила Вольдемара под руку и повела в темную глубину мрачных дворов.

Зайдя в неотреставрированный подъезд, где пахло кошачьей мочой, они поднялись вверх по лестнице и зашли в узкий коридор.

— Это общага, что ли? — спросил Вольдемар.

— Типа того. Не задавай лишних вопросов, — недовольно прошипела прекрасная дама.

— Ну, я, пожалуй, пойду, раз мы пришли. Думаю, вы уж тут сами без меня доберетесь.

— Я не могу тебя так отпустить! Я обязана тебя напоить хотя бы чаем.

— Спасибо, но мне не очень хочется чаю. Да и вставать завтра рано...

— Не капризничай, пойдём и все, я сказала!

Пройдя практически до конца коридора, они вернулись влево и оказались на небольшой кухне, где сидел бородатый старик преклонных лет. Старик напоминал Хоттабыча из старой советской сказки, курил папиросы «Беломор» и слушал музыку реггей, которая звучала из стоящего на подоконнике радиоприемника.

— Это ко мне, — обратилась прекрасная дама к старику.

Старик молча кивнул, закрыв при этом глаза, а затем сделав большую затяжку беломориной, громко рассмеялся, магически выкрикивая:

— Трах-тиби-дох-тиби-дох! До хрена пустоты... Трах-тиби-дох-тиби-дох!

Прекрасная дама и Вольдемар зашли в пустующую комнату. Полосатый матрас одиноко лежал на полу. Подойдя к окну, прекрасная дама сняла с себя платье и, оставшись в одном нижнем белье, обратилась к Вольдемару:

— Я хочу вас! Возьмите меня!

Вольдемар побагровел, сделал пару шагов назад и, почесав рукой шею, стыдливо сказал дрожащим голосом:

— Как-то душно у вас тут. Вы не находите?

— Ты что? Обалдел! Вторую неделю батареи не топят! Трубы прорвало. В ЖЭКе суки, никак починить не могут! Мерзнем здесь какой день...

— И тем не менее мне душно. Можно, я пальтецо сброшу?

— Валяй...

Сняв с себя пальто, Вольдемар положил его на матрас.

— Понимаете, в чем дело... Признаюсь вам честно, я не готов вступить с вами в интимную близость. Мы мало знаем друг друга, да и вообще.

Прекрасная дама, как кошка, ходила вокруг него, словно выжидая момент для прыжка, чтобы завладеть жертвой.

— Вы меня простите, но не могу. — Вольдемар вытер пот ладонью со лба. — Правда, не могу. Уверен, с такою внешностью вы без труда найдете себе еще много ухажеров.

— Ты со мной заигрываешь? Какой же ты чудак! Ах-ах!

Прекрасная дама накинулась на беззащитного Вольдемара, заключила его в свои объятия, осыпая поцелуями и нежно лаская тело. Красные поцелуи оставляли следы на щеках, губах, шее и одежде вертлявого Вольдемара.

— Ой! Что вы делаете?! Прекрасная дама, остановитесь, прошу вас!

— Я хочу тебя, Вольдемар! Непорочная интеллигентность будет вздрючена нашей с тобой любовью. Слышишь?!

Она повалила Вольдемара на матрас и принялась расстегивать на нем одежду. Вольдемар визжал и сопротивлялся:

— Щекотно, перестаньте, пожалуйста! Ну правда, щекотно!

— Это еще цветочки. — Прекрасная дама снимала с Вольдемара одежду, как кожуру с неспелого зеленого банана.

— Вы великая грешница! Прекрасная развратница! Вы моя... Вы...

Не успев произнести еще раз слово «развратница», Вольдемар отключился, язык стал ватным и не ворочался ни в какую сторону. Распластавшись во весь рост на полосатом матрасе, он захрапел с интонациями тракторного двигателя.

* * *

Входная дверь в комнату, где спал Вольдемар, естественно затрещала и заходила ходуном. Бархоткин очнулся, проржавевшие петли по-смертельному закрипели, предвещая будущую расплату за грех.

«Кто это?! Кто?!» Вольдемар с ужасом перебирал в голове варианты. По двери вновь нанесли несколько ударов. Похоже, били ногами. Наступила мертвая тишина. «Уф-ф-ф... Может ушли», — с надеждой подумал Вольдемар.

— И не мечтай! — раздался жесткий бас из-за двери.

По двери нанесли еще несколько ударов. Деревянная преграда, поддавшись массивному натиску, вылетела с корнем, лишив сонного Вольдемара всякой защиты. Первым в комнату влетел дед с выцветшей седой бородой, которая свисала у него практически до пола. Встав посередине комнаты, дед указал пальцем на Вольдемара, затем на прекрасную даму и с интонацией противного мальчишки предательски прогундосил:

— Вот он! Вот! Я же говорил!

Сказав это, старик вырвал у себя из бороды волосок и самоликвидировался. Вслед за ябедой-дедом в комнату вошел чокнутый мужик в шляпе.

Чокнутый шляпник вошел не один, с ним было еще трое мужчин. Брутальные парни агрессивного вида обступили Вольдемара кольцом. Троица люто смотрела на опешившего Бархоткина. Чокнутый шляпник эгоистически смотрел Вольдемару прямо в глаза, пытаясь вызвать у него дополнительное чувство страха. Мужское трио напоминало матрешку. Первый, по всей видимости главарь, имел длинный рост, пример-

но такой же, как у Вольдемара, около двух метров, правда, в отличие от Бархоткина, он был чрезвычайно худ, словно сбежавший узник концлагеря. Второй же, наоборот, рост метр с кепкой, но в ширину расплылся подобно воздушному шару. Третий был среднего роста, среднего телосложения, но рот выглядел ужасающе, губы располагались не горизонтально, а вертикально. Руки всех троих украшали синие наколки, изображающие элементы блатной романтики. Вольдемар заметил, что на левой руке у главаря набита наколка в виде перстня на пальце, знак «молния». Отпетый контингент, с такими о погоде не поговоришь. Все хищно смотрели друг на друга, ожидая одной пружинистой фразы, которая послужила бы детонатором конфликта, но ничего вразумительного не произошло. И вот появилась та самая искра для запала... Ситуация начинала пахнуть керосином, обстановку накалил чокнутый шляпник, обратившийся к Вольдемару:

— Ты чего здесь делаешь?!

— Прошу тебя не разговаривать со мной в подобной тоне! Слышал! — включил учителя Вольдемар.

— Ах, значит, не разговаривать! Ну-ну... У всякой Машки свои замашки.

Шляпник ударил Вольдемара кулаком по лицу. Бархоткин пропустил тяжелый удар, который пришелся ему прямо между глазами, и в беспамятстве с грохотом упал на матрас. Заработав синяк, Вольдемар пополз в сторону батареи в надежде выпрыгнуть в окно, но почувствовал возле своей шеи жуткий холод от лезвия стального ножа.

— Только рыпнись! И я тебе башку отрежу! — предупредил высокий главарь, схватив его за волосы.

Вольдемар застыл на месте, ощущая около своего горла острую неизбежность происходящего... Самый маленький и толстый участник банды потирал ручки и сверкал своими сальными глазенками. Человек с перевернутым ртом уставился в окно. Худощавый главарь с выпученными глазами одной рукой держал Вольдемара за волосы, а другой приставил к шее на вытянутой руке нож.

— Ну что будем с этим мудачком делать? — спросил главарь.

— Мочить его надо, — безжалостно сказал шляпник.

— Как мочить?! — удивился тот, который с перевернутым ртом.

— Чик-чик по горлышку — и в добрый путь, земля прощай.

— Жестко ты.

— Зато за дело.

— Ладно, хватит трепаться! Давай кончай его, и дело с концом. Не до утра же нам тут с ним сидеть.

Все, кроме Вольдемара, дружно рассмеялись.

— Подождите! Пожалуйста, подождите! — закричал Вольдемар. — Позвольте слово молвить, дайте право на последнее желание. Люди вы или нет, в конце концов?

— Никаких последних желаний, — обрубил надежду на спасение шляпник. — Мы здесь не графья.

— Братцы! Дайте хотя бы сигарету напоследок выкурить, — взмолился Вольдемар.

— Сигарету... Хм, это можно.

— Достаньте, пожалуйста, у меня в пальто лежит пачка во внутреннем кармане, — попросил своих будущих убийц Вольдемар.

Он всегда использовал страсть к никотиновой зависимости и относился к пагубной привычке как к оригинальному способу завязать диалог, выстроить контакт с нужным ему курящим человеком. Тем самым выработав вредную для здоровья формулу «Курение — способ коммуникациями между людьми».

Маленький толстяк достал из внутреннего кармана пачку сигарет, протянул главарю и принялся обшаривать остальные карманы пальто. Главарь, исполняя последнюю просьбу, угостил жертву сигаретой и даже дал прикурить. Чиркнув зажигалкой, Вольдемар закурил последнюю сигарету, медитативно выпуская изо рта серое облако дыма, медленно затягиваясь, оттягивая как можно дальше предстоящую кончину.

— Ты посмотри, что я нашел! — сказал маленький толстяк.

— Чего там у тебя? — спросил главарь.

Толстяк, нервно шелестя целлофановым пакетиком, протянул главарю раскрытое удостоверение со словами:

— Здравствуйте! Сотрудник полиции.

— Чего?

— Шеф, серьезно тебе говорю, сотрудник полиции.

— А ну-ка, дай сюда! — затребовал главарь. — Что за?!.

— На... Сам посмотри.

Главарь взял в руки раскрытое удостоверение, внимательно изучив написанное, повертел в руках красную корочку и гневно обратился к шляпнику:

— Ты что творишь, козел?! Мне тебя самого на куски порезать?

— Да ты чего? — испугался растерянный шляпник.

— На зону меня упечь хочешь? Падла.

— Я?! Да что ты такое говоришь...

— Ты посмотри на него! Это же мент! — Главарь убрал нож от горла Вольдемара. — Старший лейтенант, написано.

— Мент?! Ах ты, шельма!

— Значит так, ментяра, — обратился главварь к Вольдемару. — Сейчас собираешь свои вещи. И чтобы духу твоего здесь не было! Считай, что отделался легким испугом.

Вольдемар покорно собрал вещи и быстрым шагом покинул место, лишь слегка вздрогнув, когда встретил на выходе из квартиры все того же скверного старика, столь подло сдавшего его в лапы бандитов. Старик улыбался во весь беззубый рот, по-прежнему курил всю ту же беломорину и напоследок погрозил Вольдемару пальцем.

Когда Бархоткин вышел из дома, практически светало. Вольдемар потерялся в пространстве, равно как и в своих мыслях. Как же он мог забыть про поддельную ксиву, которую сделал ему Вэрд?! Ведь он специально сегодня заходил к Костику, чтобы расплатиться с ним и забрать поддельное удостоверение сотрудника полиции. Как у него это вылетело из головы?! Видимо, слишком много событий на сегодня, нужно отправиться домой и хорошенько выспаться. Легко сказать, отправиться домой... На чем? Общественный транспорт не работает... Если только вызывать такси? Вольдемар посмотрел на потухший дисплей своего мобильного. «Отлично! С такси я тоже в пролете, буду пробовать поймать тачку с руки...»

Бредя по безлюдной улице и анализируя все произошедшее сегодня, Вольдемар случайно увидел, что через дорогу из торгового комплекса вышел Максим — муж Анны Шевельковой, рядом с мужем шла совершенно другая женщина, лица не разглядеть, так как голову прикрывал капюшон пуховика, но, судя по стройной фигуре, можно смело сделать вывод, супругой здесь и не пахнет. Максим держал женщину за руку и, казалось, не замечал ничего. Влюбленная парочка, воркуя, дошла до парковки, затем Максим и неизвестная женщина сели в машину и куда-то уехали. Стоя словно вкопанный, Вольдемар не знал, как ему следует поступить в данной ситуации? Сообщить обо всем увиденном Ане? Или оставить все так, как есть? Как быть? Решение принято.

ГЛАВА 5. ОБНАРУЖЕН ПРЕСТУПНИК

По обочине пустынной трассы бежал человек, бежал быстро, задыхаясь, будто от него зависела судьба всего живого на планете Земля. Мелькнули фары дальнего света, по противоположной полосе навстречу бегущему ехала машина с черно-желтыми шашечками на крыше. Махая руками и привлекая к себе внимание, Вольдемар заставил таксиста остановиться. Открыв переднюю дверь и просунув голову в салон автомобиля, Бархоткин спросил у водителя:

— Свободен, друг?

Водитель, смуглый парень в кепке, спокойно кивнул. Всю дорогу Вольдемар нервничал, ерзал на сиденье, подгонял таксиста. В салоне он нашел портативную зарядку. Заряжая телефон, Вольдемар пытался дозвониться до Ани, но механический голос в трубке безжизненно сообщал: «Абонент временно недоступен». Машина подъехала к подъезду. Бархоткин достал из кармана всю мелочь, а стало быть, всю имеющуюся на данный момент наличность, и расплатился с водителем. Водителю такая сумма явно не понравилась

— Э-э-э! Братан! Ты чо?! Давай плати! — сказал водитель с кавказским акцентом.

— Извини, дружище. Честно, больше нету ни копейки.

— Э-э-э! А я сдесь прэчом, што у тебе нэту! Гани баблo, а то сыйщас пыстолэт дастану!

Вольдемар с невинным видом полез в карман и предъявил липовое удостоверение старшего лейтенанта полиции:

— Документики, пожалуйста, на регистрацию и прописку в городе предъявите.

— Э-э-э! Да што мне, жалько, што ли, хорошыго чилавэка падвезти! Што я, барыга, што ли, какой?! Ничэго минэ ни нада. Спасибо вам, што воспользовались услугами маего такси. — Водитель фальшиво улыбался.

— Очень приятно, что у нас в стране есть такие отзвичивые люди, как вы, — издевательски сказал Вольдемар и вышел из машины.

Поднявшись на третий этаж, он нажал на кнопку звонка. Но сколько Вольдемар ни звонил и ни стучал, никто не открывал. Когда Бархоткин спустился на первый этаж, у него у зазвонил телефон, определитель на дисплее показал: Анечка.

— Але! Ань, ты где? Я тебя обыскался! Даже приехал домой, а тебя...

— Это не Аня, — сказал холодный мужской голос.

— Кто это говорит?! С кем имею честь? — взволнованно спросил Вольдемар.

— Это врач морга.

— Что с Аней?! Она мертва?! О боже! Какой кошмар! Анька!

* * *

— Скажите мне честно, от чего умерла Аня?

— Да не паникуйте раньше времени! Меня сегодня просто попросили в реанимации подежурить, подменить... А так я вообще в морге работаю.

— О господи! Час от часу не легче.

— Да не переживайте так, в реанимации трупов нет, точнее, пока нет. — Голос в трубке рассмеялся, но,

не найдя отклика у собеседника, оправдываясь добавил: — Врачебный юмор, не обращайтесь внимания.

— Аня в реанимации? Что с ней?!

— Во-первых, не кричите на меня, а во-вторых, вы кто ей будете? Муж?

Возникла пауза.

— Муж, — соврал Вольдемар. — Где она? Я сейчас подъеду.

— Подъезжайте в центральную районную больницу. Адрес знаете?

— Знаю.

Шагая по мрачному коридору приемного покоя и громко шаркая целлофановыми бахилами, Вольдемар подошел к небольшому деревянному столику, за которым сидела медсестра.

— Скажите, пожалуйста, Анна Шевелькова в какой палате? Мне сказали в регистратуре, она где-то здесь, на этом этаже.

Дремавшая медсестра равнодушно посмотрела на Вольдемара и лениво переспросила:

— Кто? Щавелева?

— Нет, Ше-вель-ко-ва, — произнес по слогам Вольдемар.

— А зовут как? — Медсестра раскрыла потрепанный журнал учета больных и, тщательно прищурившись, полезла искать нужного пациента.

Прошло около десяти минут.

— Ну что, нашли?

— Обождите, молодой человек. Не мешайте. Знаете, сколько у нас здесь больных? Все так любят болеть, хлебом не корми, дай поболеть... Отлежаться на бюллетене.

— Просто уж очень долго ищите.

— Долго, долго... Мы здесь не справочная служба по оказанию экспресс-услуг! Не нравится — обращайтесь в регистратуру, что на первом этаже. У них там компьютер есть, может, они быстрее найдут. А мы здесь по старинке работаем. А вот, кстати, врач идет. У него и спросите, где ваша Щавелева лежит, он должен знать.

— Аркадий Аполлонович, — крикнула медсестра, — тут молодой человек интересуется, в какой палате лежит Щавелькова какая-то, что ли?

— Сейчас подойду, — сказал холодный мужской голос. — Ожидайте.

Вольдемар стоял у окна в конце коридора, зимнее утро потрескивало скрипучим морозцем, сыпал мелкий снежок. «Если не рухну прямо здесь от усталости — считайте меня коммунистом! — подумал Вольдемар. — А вот интересно, падаю я в обморок, прямо сейчас, прямо в эту секунду, прямо здесь, в больнице! Обнаружат меня довольно-таки быстро,

примерно через часа два. Конечно, повезут сначала в реанимацию, там поймут, что пациент скорее жив, чем мертв. И поеду я вперед ногами в соседнее здание, где находится морг. Пока додумаются, кто я такой, и сообщат моей маме, пройдет еще дней пять. Оркестр, похоронный марш, приятные слова в честь покойника, слезы, грустная песенка: "А на кладбище — ветер свищет... Здесь меня никто не ищет". Эх... Гости дорогие, у нас в одиннадцать вынос, а в два компот!»

— Шевельковой муж вы?!

— Да-да, — встрепенулся Вольдемар.

Перед ним стоял доктор в белом халате. Усталое лицо покрывала сетка скупых мужественных морщин. Невыспавшийся взгляд дополняли темно-синие мешки под глазами. Вольдемар протянул руку, но доктор руки не подал.

— Ох, муж... Объялся груш, — вздыхая, начал разъяснять ситуацию врач. — Что ж вы так жену свою бьете? Что мы потом ее всем отделением в реанимации откачиваем. Да уж, натворили вы дел. — Врач окинул взглядом физиономию Вольдемара, увидев разбитую переносицу, улыбнулся. — Вижу, это у вас семейное... Морды друг дружке бить.

— Доктор! И что же теперь будет?

— А ничего. Радуйтесь! Любит она, наверное, вас, отказалась писать заявление в полицию по факту избиения. Говорит, сама случайно с лестницы упала. Ну и бабы у нас пошли... Мужик лупит, а ей хоть бы хны! Броня!

— Избиения?!

— А то как же... Как грушу боксерскую отлупцевал! А у нее выкидыш случился. Беременная она была.

— Беременная?! От кого?! От Максима?!

— У-у-у... Как все запущено. Любовный треугольник, да? Ну дела. Она налево ходила? Теперь мы не узнаем, от кого. От Максима, а может, от Вадима... Сочувствую, но все равно, это не дело, так мудрохать жену, что она чуть на том свете не очутилась.

— Я могу ее видеть?

— Можете, но сейчас она спит, это раз. И часы приема больных у нас сегодня вечером, это два. Расписание посмотрите внизу. У гардероба висит.

— Спасибо. — Вольдемар почувствовал такое угрызение в душе, будто это он сам избил Анну.

Хотя при чем здесь он? Это все Максим — мерзкий тип, изменяющий супруге. Бога ты не боишься, злодей подлый! Все закружилось вокруг, ноги подкосились, но Бархоткин устоял, дошел вдоль по стеночке до регистратуры и вызвал такси до дому.

Вольдемар очнулся от того, что в квартиру кто-то настырно ломился. Он поднял голову с подушки и почесал вспотевший лоб. В дверь позвонили еще раз, а затем ударили кулаком. Нехотя встав с дивана и дошмыгав до дверного глазка, он прислонился раскрытым глазом к круглой точке и увидел, что за дверью стоит Роберт Элдфорт. Улыбнувшись, Вольдемар открыл дверь.

— Здорова! Ну ты чего? Куда пропал? — начал с порога Роберт.

— Сплю, — честно признался Вольдемар.

— Вечер уже, а ты дрыхнешь! Договорились же вчера, что сегодня созвонимся и пересечемся. А ты телефон отключил и дрыхнешь. Не дозвониться до тебя, не достучаться.

— Вчера случился тяжелый день, точнее вечер, точнее ночь.

— Пойдем на кухню, ставь чайник! Надеюсь, у тебя кофе есть?

— Вроде должен быть. Сейчас посмотрим. — Чиркнув спичкой, Вольдемар зажег на плите синий цветок.

Разливая чай по чашкам — кофе, слава богу, не оказалось, — Вольдемар сообщил Роберту имеющиеся у него сведения. Внимательно выслушав, Роберт поковырял пальцем в ухе и раздраженно сказал:

— Ты хоть понимаешь, о чем ты просишь? Чтобы я достал тебе пропуск! Чтобы ты смог попасть в колонию строго режима. И еще чтобы я организовал тебе свиданку с заключенным.

— Да, хочу, — спокойно ответил Вольдемар.

— Ты не понимаешь! Он же маньяк, псих! Чокнутый! Экспертиза признала его невменяемым. Насколько я знаю, кое-кому пришлось подделать заключение медицинской экспертизы, чтобы сослать его на зону. Нечего таким ублюдкам в психушке париться... Лечить его и потом отпустить по амнистии. В этом, по-твоему, высшая сила правосудия?

— Друг мой Роберт. Опять двадцать пять. Как мы ни встретимся, опять один и тот же разговор. Из пустого в порожнее.

— А ты не юли! Ты объясни! Я ж понять хочу!

— Почитай Достоевского.

— Да ну... Слишком сложно!

— А ты почитай. У Федора Михайловича есть ответы на все вопросы.

— Да ну ладно тебе... Тоже...

— «Преступление и наказание».

— Да читал я в школе.

— А ты еще раз перечитай. Лучшее произведение о доказательстве бытия Божьего.

— Да! Доказательство, говоришь! — завелся Роберт. — А ты кино «Брат» видел, режиссер Балабанов?

— Видел, конечно. И что?

— А то, что герой фильма Данила Багров мочит всех подряд, убивает! И не терзают его муки совести, в отличие от Раскольникова. Он вполне прекрасно себя чувствует в этом мире. Герой нашего времени, мать его!

— Роберт, ты не сравнивай кино и книгу, видео и текст. Помнишь, как в Библии сказано: в начале было слово и слово это было Бог. Уловил суть?

Роберт отрицательно покачал головой.

— В начале было слово! А теперь что? Теперь совершенно другая эпоха. Книга не несет в себе ту функцию, которую несла, скажем, сто, двести лет назад. Появились аудиоформы хранения информации. Куча видео. И, конечно же, в этой круговерти шлама утрачена духовность. Отсюда и кино, как образец массового искусства, живет совершенно по другим законам и правилам.

— Вольдемар, ты мне зубы не заговаривай!

— Я не заговариваю. Ты устроишь мне встречу с этим убийцей?

Роберт демонстративно замолчал, вкладывая в обрвавшуюся тишину отрицательный ответ.

— Роберт, ты хоть понимаешь! — завелся Вольдемар. — У Аньки был выкидыш! Она была беременна... Ей грозит опасность. Пока мы здесь чай с тобой гоняем.

— Ой, я тебя умоляю... Какая опасность? Муж приревновал? У нас полотдела завалено такими заявлениями. Мы такие заявки между собой называем «кастрильные вопросы». Ты лучше бы не совался в это дело! Это семейные разборки. Живи себе спокойно, концов все равно не найти, кто там кого пугал. А геморрой на свою задницу заработать всегда успеешь. Поверь уж мне. Во всей этой истории нет состава преступления, а стало быть, и никакой уголовщины.

— Последний раз спрашиваю, ты поможешь мне? Иначе мы больше не друзья. — Лицо Вольдемара стало предельно серьезным. — Ты меня знаешь, я человек слова.

Роберт встал из-за стола, закурил сигарету и вышел из кухни.

Продолжение следует.